

А. В. ГОЛЬШТЕЙН

[Из писем Г. В. Вернадскому
и Н. В. Вернадской-Толль]

Г. В. ВЕРНАДСКОМУ

13 III 1922

<...> Сильное впечатление произвело на меня письмо В[ладимира] И[вановича]. Невольно завидуешь его любви к науке. Это такая любовь, которая совпадает со святостью. Кажется мне, что древние христиане должны были так чувствовать свою правду, как он чувствует свою науку. Удивительный человек, необыкновенная, святая душа; только бы не загиб он там¹. <...>

Г. В. ВЕРНАДСКОМУ

14 I [19]23

Вся трудность и весь ужас — для нас — положения в том, что позиция, принятая Влад[имиром] И[вановичем], совершенно невозможная: возвращаться в совдеповский рай² ему определенно не хочется, это говорила мне Н[аталья] Е[горовна], но признать это свое нежелание он громко и прямо тоже не хочет, а своим поведением делает многое невозможным. En désespoir de cause* я решила поговорить с Н[атальей] Е[горовной]. Она во всем со мною согласилась, пробовала было стать на старую точку вопроса «чести»: объяснять, что В[ладимир] должен вернуться потому, что иначе других академиков не будут пускать за границу, но Агаф[онов] перечислил ей тех академиков, кот[о-

* В отчаянии (фр.).

рых] пустили после В[ладимира] И[вановича], и она сдалась. Агаф[онов] ушел, и мы долго говорили. Она как бы надеется на чудо, на провал Антихристового отродья. Я говорила и о том, что во время провала будет такая смута, в кот[орой] многим Сер[геям] Ф[едоровичам]³ несдобровать, и что в этой смуте может погибнуть и В[ладимир] И[ванович]. Я действительно так думаю. Со всем этим Н[аталья] Е[горовна] согласилась и решила малопомалу склонить Вл[адимира] Ив[ановича] к решению остаться.

Что из этого выйдет, не знаю. Агаф[онов] предпринял поход, кажется, в союзе с французами на карман одного многомиллионного иудея⁴ с целью подбить его отпустить денег на лабораторию этого самого проклятого вещества⁵. Он же написал очень длинное письмо Ford'у⁶ на ту же тему. Все это *возможности*, но и все это «справа затыжна»*, выражаясь по-хохлацки. Когда справа затыжна, надо ждать, надо время. Из Совдепии никого не выпишут для такого дела, да и не выпустят оттуда Вл[адимира] Ив[ановича] работать не во славу большевицкой⁷ Академии наук где-то за границей. Какой им в этом авантаж? ** А, повторяю, Сергей Федорович большой авантаж тащит пристяжной честнейшего из людей. Н[аталья] Е[горовна] говорит, что Вл[адимир] Ив[анович] хочет все же *вернуться* в Европу из Совдепии. Но вернуться нельзя будет не только потому, что его не выпустят, но и потому, что *здесь* все будет потеряно, как была почти что потеряна Сорбонна, когда Вл[адимир] Ив[анович] заявил весной, что вернется в Совдепию...

Я думаю, что им надо переехать в Прагу и там ждать исхода хлопот о лаборатории, пусть Вл[адимир] Ив[анович] живет этой надеждой, а Н[аталья] Е[горовна] вздохнет среди своих⁸. Н[аталья] Е[горовне] эта мысль очень улыбается, но она говорит, что теперь надо жить так и там, где надо для В[ладимира] Ив[ановича], ибо дети уже отрезанные ломти. Я говорила, что ты этого не перенесешь и что о тебе она тоже должна думать. Согласилась и с этим. Таковы настроения.

Был Струве. Говорила с ним о Праге. Он говорит, что Прагу устроить возможно, но что *Вл[адимир] Ив[анович] может все-таки помешать*. Может. Я просила его переговорить с тобой. Может быть, вы оба выработаете какой-нибудь план действий.

Я же думаю, что с Владимиром Ивановичем надо играть на «справу затыжну». Надо убеждать его, что необходимо предпри-

* Долгое дело (*укр.*).

** Выгода (*фр.*).

нимать все меры для устройства лаборатории и ждать результата здесь, на Западе, ибо из Совдепии ничего предпринимать нельзя. К сожалению, я не дерзаю заводить этого разговора с [Вл]адимиром Ив[ановичем] — боюсь своего языка и азартного характера. «Забушуют стихии», как говорит Н[аталья] Е[горовна], и все пропадет. <...>

Г. В. ВЕРНАДСКОМУ

15 XII [19]23

<...> В[ладимиру] И[вановичу] страшно повредило его заявление, сделанное весной кажется, что он вернется в Совдепию. За это мы, конечно, должны благодарить нашего «взаимного» друга Сереженьку Великого⁹. Вышла такая история, что Lacroix¹⁰ по просьбе Агаф[онова] устроил потом приглашение читать лекции, а кредитов на сие не было, так что наши дорогие Вер[надские] сидели без денег. Тут было много всяких деталей, кот[орые] я совершенно забыла. Знаю только, что все это очень удручило и В[ладимира] И[вановича], и Наталью Егоровну.

Теперь Агаф[онов] хлопочет об устройстве лаборатории для сжигания мышей¹¹, хлопочет с двух сторон — в Америке и здесь. В Америку, по совету Юл[ия] Фед[оровича], он написал письмо Форду. Это, конечно, более чем гадательно, — здесь он вместе с Жантилем будет делать налет на некоего архимиллионера, сына Израиля¹². Это, кажется мне, возможно, хотя тоже очень гадательно.

<...> В[ладимир] И[ванович] делает какую-то очень важную работу, и Н[аталья] Е[горовна] надеется, что если работа окажется удачной и важной, то это побудит сорбон[нских] людей оставить здесь В[ладимира] И[вановича]. Это возможно. Н[аталья] Е[горовна] определенно *мечтает* остаться здесь. Недавно — вчера — говорила, что, если я перееду в Bois Colombe, хорошо найти в том же доме квартиру и им, и прибавила: «если возможно будет остаться». Что хочет В[ладимир] Ив[анович], этого, думается, никто не знает.

Впечатления мои вот какие: Вл[адимир] Ив[анович] все более и более отходит от всякой личной жизни и, скажу, от всякой иной личной мысли, кроме научной. Мне кажется — и дай Бог, чтоб я ошибалась, — что ради научного честолюбия он теперь готов на все. Пожалуйста, не толкуй слова «честолюбие» в ка-

ком-нибудь пежеративном * смысле. Честно, благородно и глубоко в нем засела мысль, что исследование живой материи — дело величайшей важности для науки. Так как мысль эта, кажется, принадлежит ему, то, естественно, ему хочется осуществить эту мысль самому, а не просто передать ее потомству. В этом честолюбие. В каком смысле готов на все? Тут, думается, не без влияния разных людей соглашательского типа из г[оспо]д ученых.

Ты, вероятно, знаешь, что большевики теперь усиленно пропагандируют возвращение эмиграции. Им это нужно и лестно во всех отношениях. Думаю, что отход ученых, посланных ими в командировку, им очень неприятен. Не потому, что они дорожат работами этих ученых, а просто потому, что такой отход — свидетельство против них. Они в свое время уморят, вышлют, расстреляют при надобности или без надобности того же Верн[адского], но им надо показать той же Сорбонне, что «их» проф[ессора] находят возможным в их раю жить и работать, что так красноречиво доказывал здесь наш «взаимный» друг. Мне чудится, что на В[ладимира] Ив[ановича] есть натиск в этом направлении. Там ему посулят — а м[ожет] б[ыть], посулили? — устроить лаб[ораторию] живого вещества... Тогда все и всё бес- сильно. На это он пойдет. И будет все это обман, ложь и чепуха, но он пойдет. И за все это заплатит Н[аталья] Е[горовна]. Она положит на алтарь науки остатки своих слабых сил. На эти мысли меня наводят разные мелкие факты. Все это впечатления. Повторяю, дай Бог, чтоб я ошибалась. Тебе пишу все, без оговорок, ничего не утаивая.

En résumé: если где-нибудь на земном шаре устроится это живое вещество — чтоб все черти его слопали! — то В[ладимир] Ив[анович] останется, если не устроится, думаю, что уедет. «Устроить дело», как пишут тебе, это значит получить кредиты на лабораторию, «вернуться потом» — значит приехать временно в новую командировку, м[ожет] б[ыть], для оборудования сего учреждения...

Это чрезмерно горько и грустно.

Г. В. ВЕРНАДСКОМУ

24 II [19]26

Как писала дорогой и горячо любимой Н[аталье] Егор[овне], я вместе с тобою удручена и вместе с Ниной-дочерью¹³ бурно

* Уничижительный (фр.).

взволнована. Это сплошное безумство¹⁴. Дай Бог, чтоб Вл[адимиру] Ив[ановичу] не пришлось горько каяться в своем нелепом решении. Хотела бы ошибаться, но боюсь, что его там прижмут за долгое пребывание за границей и за позднее возвращение. Никто не поверит, что он вернулся, выполняя данное слово, объяснят это тем, что не удалось ему устроить свою жизнь здесь, и вот там, в Совдепии, его будут кормить... Ну, авось, все это чушь и только мои страхи, авось, не будут его там прижимать и окажут великий почет. Авось! и дай Бог.

В сущности, пишу вздор, ненужный, пишу, чтоб сказать, что у меня, как у тебя, горькое и тяжелое горе на душе. Обнимаю. Думается тоже, что я не выполнила дружеского долга, не высказала Вл[адимиру] Ив[ановичу] прямо, что думаю, не решилась послать того длинного письма из дипломатических соображений. Могу утешить тебя только тем, что там теперь они не будут голодать и холодать. Физическое благополучие будет, а вот как Влад[имир] Ив[анович] вынесет нравственную атмосферу «рабства» (его выражение по приезде сюда) и хамство его друзей — этого представить себе не могу. Думаю, что Ферсману его приезд очень будет неприятен, и он будет интриговать вовсю... Но, дай Бог, чтоб и этого не было. Пусть все ему будет хорошо. Но бедной, бесценной Н[аталье] Ег[оровне] будет дурно без тебя и Нины — тут уж нет сомнений, она едет на тяжелую, беспросветную жизнь, надо только желать, чтоб ее здоровье не пошатнулось опять, — в этом моли Бога, потому что тебе дан дар молитвы. <...>

Н. В. ВЕРНАДСКОЙ-ТОЛЛЬ

6. XI. 1932

<...> Как мы виделись с Влад[имиром] Ив[ановичем]? Буду откровенна, м[ожет] б[ыть] чрезмерно, а ты меня прости, если огорчу. К Влад[имиру] Ив[ановичу] у меня неизменно братская *любовь*, поэтому все, что мне в нем не нравится, я ощущаю сильнее и острее, чем если бы мое чувство к нему было более холодное. Мне тяжело его видеть, потому что я все его поступки осуждаю. По моему мнению и чувству, он своим отъездом в Совдепию разрушил свою *чудную* семью и поставил бедную Наташечку в трагические для нее условия, Георгия и тебя в тяжкие условия. Ведь Георгий страшно страдает от разлуки с матерью, не может отделаться от вечной тревоги за родителей, и это при его *глуби-*

не души! Чего это ему стоит. Думаю, что и твоя жизнь отравлена...

У Влад[имира] Ив[ановича] есть его наука, а что остается Нат[алье] Егор[овне]? Вечная тревога, вечные лишения, вечная разлука с детьми и внучкой, вечная мысль при отъезде *туда*, что она, м[ожет] б[ыть], уже никогда своих любимых не увидит. Слабая она телом, все это ее грызет и сокращает ее жизнь, а жизнь ее прекрасная была, и сама она такая светлая, такая нежная для всякого, кто имел счастье к ней подойти. И все эти страдания она, уже старая и слабая здоровьем, должна нести из-за какого-то донкихотского порыва Влад[имира] Ив[ановича], что он убийцам и мерзавцам дал слово вернуться! Вот всего этого я не могу ему простить. Любовь моя остается, говорить ему, что думаю, не могу, потому что если заговорю, то будет резко, может быть даже грубо, любовь останется, но отношений больше не будет. Будь он менее близок, было бы легко говорить, нечего было бы беречь, да и чувствовалось бы все не остро, не чувством, только умом, а ум — это дело второстепенное.

Вот почему свидание наше для меня было плохое: он говорил много о своей науке, в кот[орой] я ничего не понимаю и кот[орая] меня абсолютно не интересует, так что я почти не слушала. Про себя мне ему говорить нечего — его не может интересовать моя духовная жизнь, вся сосредоточенная на горечи мыслей о России и на кровной ненависти, непримиримой, животной, к тем убийцам этой России, которым он служит. Ко всему этому прибавлю еще тяжелое чувство обиды за Влад[имира] Ив[ановича], когда слышу ему осуждение. Зачем этот человек, прошлое кот[орого] было полно благородства, поставил себя в двусмысленное положение? Конечно, не думаю, чтоб он подписывал подлые заявления «академиков», но ведь он ихний академик и за Академию отвечает. Научно работать он мог бы и здесь... Вот, Нина, совсем откровенное сообщение, своего рода исповедь. <...>

